

Ф. М. Достоевский и глагол *стушеваться*

Авторство многих русских неологизмов XVIII–XIX вв. часто не вызывает сомнений: например, слово *промышленность* создал Н. М. Карамзин, слово *интеллигенция* приписывают либо В. А. Жуковскому, либо П. Д. Боборыкину, а *отсебятину* придумал К. П. Брюллов. Многие, возникшие в те времена слова не имеют конкретного автора, но историки русского языка высказывают предположение об условиях, в которых они могли зародиться. Вот какой пример приводит В. В. Виноградов:

Можно думать, что глагол *дерзить* образовался в среде духовенства и вошел в литературный язык разночинной интеллигенции 60–70-х годов. Кажется, на его образование повлиял глагол *грубить*.

Н. С. Лесков в романе «На ножах» (ч. 2, гл. 4) воспроизводит такой диалог между нигилистами:

- «...да еще нагрубил мне и *надерзил*. [...]
- ...Что это за слово «надерзил»?
- А как же надо сказать?
- «Наговорил дерзостей».

Зачем же два слова вместо одного? Впрочем, ведь вы поняли, так, стало быть, слово хорошо... (Виноградов 1999: 140–141).

Авторство глагола *стушеваться*, как принято считать, принадлежит самому Ф. М. Достоевскому, причем свидетельство об этом автор подает в «Дневнике писателя» в нескольких местах со многими подробностями, например:

В литературе нашей есть одно слово: «стушеваться», всеми употребляемое, хоть и не вчера родившееся, но и довольно недавнее, не более трех десятков лет существующее; при Пушкине оно совсем не было известно и не употреблялось никем. Теперь же его можно найти не только у литераторов, у беллетристов, во всех смыслах, с самого шутливого и до серьезнейшего, но можно найти и в научных трактатах, в диссертациях, в философских книгах; мало того, можно найти в деловых департаментских бумагах, в рапортах, в отчетах, в приказах даже: всем оно известно, все его понимают, все употребляют. И однако, во всей России есть один только человек, который знает точное происхождение этого слова, время его изобретения и появления в литературе. Этот человек – я, потому что ввел и употребил это слово в литературе в первый раз – я. (Ф. М. Достоевский: Дневник писателя. Сентябрь–ноябрь 1877 года, 1877).¹

¹ Здесь и далее, если особо не указано, цитаты и данные взяты из основного корпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В другом месте «Дневника» Ф. М. Достоевский достаточно основательно описывает всю историю – вернее, свою версию – рождения и появления этого глагола в литературном языке. Это версия «чертежного» происхождения слова. Ее же излагает М. И. Михельсон в своем знаменитом словаре «Русская мысль и речь»:

Слово, употреблявшееся въ главн. инженерномъ училищѣ, гдѣ воспитывался Ф. М. Достоевскій, впервые употребившій его печатно въ повѣсти «Двойникъ» 1846. Въ училищѣ получило оно начало отъ черченія и оттушевыванія плановъ тушью, и старанія – хорошо стушевывать данную плоскость, съ темнаго на свѣтлое, на бѣлое и на-нѣтъ (Михельсон 1994: 325).

Достоевский приводит на первый взгляд достаточно стройную, и более того, филологически правдоподобную версию происхождения этого глагола. Пример с глаголом *дерзить* (см. выше) может служить внешней аналогией: предположим, что упоминаемое В. В. Виноградовым духовенство означало прежде всего среду семинаристов, студентов духовных училищ. Подобная ситуация описана и в «Дневнике» Достоевского: это тоже «студенческая» среда, только в данном случае среда курсантов военного, инженерного училища. Вот что он пишет:

Все планы чертились и оттушевывались тушью, и все старались добиться, между прочим, уменья хорошо стушевывать данную плоскость, с темного на светлое, на белое, и на нет; хорошая *стушевка* придавала рисунку шеголеватость. И вдруг у нас в классе заговорили: «Где такой-то? – Э, куда-то стушевался!» – Или, например, разговаривают двое товарищей, одному надо заниматься: «Ну, – говорит один садящийся за книги другому, – ты теперь стушуйся». [...] Стушеваться именно означало тут удалиться, исчезнуть, и выражение взято было именно с стушевывания, то есть с уничтожения, с перехода с темного на нет. Очень помню, что словцо это употреблялось лишь в нашем классе, вряд ли было усвоено другими классами, и когда наш класс оставил Училище, то, кажется, с ним оно и исчезло. Года через три я припомнил его и вставил в повесть (Ф. М. Достоевский: Дневник писателя. Сентябрь–ноябрь 1877 года, 1877).

В научной литературе нами не было обнаружено опровержение этой версии Достоевского (естественно, мы не исключаем наличие такого). В среде ненаучной, однако, такое опровержение было найдено. На страницах популярного в Рунете сайта LiveJournal, в специальной рубрике *Заминательная этимология* [игра слов, ср.: *заминательная* – О. Ф.] приводится другая версия происхождения глагола *стушеваться*. Вот эта любопытная, но с научной точки зрения не выдерживающая критики история (с необходимыми сокращениями):

Я утверждаю: слово *стушеваться* имеет иное, спортивное происхождение, идущие от французского *toucher*. [...] Дело было так. В середине XIX века

в европейскую моду вошло спортивное состязание, сегодня именуемое греко-римской, а в те годы – французской борьбой. К 1846-му, году выхода в печать «Двойника» борьба получила всеевропейское признание. [...] Целью борца, согласно правилам, было туше (*toucher* – ‘касание’), т. е. ситуация, в которой твой противник оказывается на спине, касаясь пола лопатками. Нередко случалось, что попавшись на болевом приеме, борец по собственной инициативе совершал туше – *тушевался* – и тем признавал свое поражение. Именно в таком значении – выкинуть белый флаг, ретироваться, сдаться – использует это слово в «Двойнике» Достоевский... Федор Михайлович ничего не изобретал. Слово *стушеваться* уже использовалось и в спортивном значении (<http://theartistnovel.livejournal.com/10429.html>).

Сегодня мы не можем однозначно ни подтвердить, ни опровергнуть общепринятое мнение об авторстве Ф. М. Достоевского по причине недостатка проверенных языковых данных. Однако, существуют разные косвенные данные, которые, возможно, смогут пролить некоторый свет на обстоятельства проникновения глагола *стушеваться* в русский язык.

В этой связи мы считаем полезным кратко рассмотреть употребление других глаголов с подобным значением. Однако с каким? ‘Удалиться, исчезнуть’, как объясняет его Достоевский, или ‘сдаться, ретироваться’, как видит его анонимный оппонент?

Очевидно, сам реестр возможных значений в случае глагола *стушеваться* гораздо богаче, чем отмеченные только в этих случаях. В словаре С. А. Кузнецова из 4-х приводимых там значений под определение Достоевского полностью подходит только самое последнее: ‘4. незаметно исчезнуть, уйти, удалиться’ (БТС 2004: 1284). Первое значение из БТС, ‘сгладиться, стать менее резким’, можно считать непереносным, так как пример типа *В темноте лес стушевался* указывает на неодушевленный субъект и физическое (в данном случае оптическое) явление. Значение 2 (‘стать незаметным’) также относится не к человеку, а к неким существительным-абстрактам. Нами была обнаружена интересная иллюстрация именно этого значения в статье Л. В. Щербы в отношении видовых различий у деепричастий:

Насколько мы находимся во власти традиции и одностороннего формализма, видно на примере хотя бы русской грамматики: она до сих пор видит в деепричастиях особую категорию, тогда как по функции они совершенно сходны с обычными, так называемыми личными формами глагола, обозначающая или действие одновременное – у глагола вида несовершенного – или действие предшествующее – у глаголов вида совершенного. [В сноске:] Любопытно отметить, что видовые различия при этом как-то *стушеваются* (ЩЕРБА 1945: 177).

Третье значение (‘оробеть, смутиться’) имеет уже переносное, фразеологизированное значение, но в текстах произведений Достоевского глагол в данном значении практически не употребляется. Ср.:

Действительно, некоторые положительно сконфузились, отретировались и уселись ждать в другой комнате, но иные остались и расселись по приглашению, но только подальше от стола, больше по углам, одни все еще желая несколько *стушеваться*, другие – чем дальше, тем больше и как-то неестественно быстро ободряясь (Ф. М. Достоевский: Идиот, 1869).

Очевидно, что значение глагола *стушеваться* (в его переносном смысле) гораздо сложнее, чем простое: ‘уйти/удалиться’.

Для выражения последнего в русском языке имеется множество других, разговорных (экспрессивных) синонимов типа: *свалить*, *слинять*, *смыть*, не говоря уже о многочисленных жаргонных глаголах типа: *сколоть*, *сломиться*, *срыть*, *сползнуть* (см. соответствующие статьи: Вальтер и др.) или о непревзойденном по своей частотности и многогранности глаголе *съе...ть/ся* в обценном дискурсе. Здесь мы привели только глаголы с префиксом *с-*, чтобы указать на некую словообразовательную модель. Естественно, для выражения значения ‘уйти/удалиться’ в русском языке могут использоваться и многие другие глаголы, например: *отвалить*, *отчалить*, *уе...ть* и др.

Примечательно, что некоторые из этих глаголов (кроме, естественно, обценных) не фиксируют даже подробные словари. Например, в БТС в статье о глаголе *чесать* это значение не приводится, хотя глагол формы СВ *учесать* означает именно ‘уйти/удалиться’ (БТС 2004: 1476):

А Ньюраха... в кино небось *учесала*? Вот дьявольская выдумка-то еще? (Василий Шукшин: Гена проидисвет, 1970–1974).

Химичка нам кабинет открыла и куда-то ушла. Ветка тоже *учесала*. Сидим мы в кабинете вдвоем: я и Сметана эта дурацкая (Алексей Иванов: Географ глобус пропил, 2002).

Особенно явна параллель с глаголами *линять/слинять*. Форма НСВ имеет значение: ‘терять свою окраску, выцветать’ (БТС 2004: 498). Глагол *стушевать* в своем «чертежном» значении – тоже ‘потерять окраску до нуля’. Глагол же *слинять* в современном дискурсе значит то же, что и *стушеваться*: ‘(незаметно) уйти, исчезнуть’:

Стоит ли мне колбаситься в этом приключении или *слинять* назад, к кабинетной тишайшей работе? (Василий Аксенов: Круглые сутки нон-стоп, 1976).

Спасенных уже не было видно – они успели благополучно *слинять* (Виктор Пелевин: S.N.U.F.F., 2011).

Счастье, что нас тогда никто не застукал и нам благополучно удалось *слинять*. Но вдруг нас все-таки засекли, сняли скрытыми кинокамерами из кустов, а теперь нашли? А может быть, за стихи? За какие? (Евгений Евтушенко: «Волчий паспорт», 1999).

Вполне успешно «русский режиссер» Виталий Гангуг «слинял», никто, собственно говоря, и не заметил его исчезновения (Василий Аксенов: Остров Крым, 1977–1979).

Последний контекст свидетельствует о том, что выражение *Слинял* (*за бугор*) в жаргоне инакомыслящих в бывшем СССР использовалось почти терминологично: диссидировал (варианты – по обстоятельствам, например: *Свалил в Израиль*).

В разговорном языке в значении близком к ‘уйти, исчезнуть’ глагол *линять* может использоваться и в форме НСВ:

Тебя не звали, так что *линяй* отсюда, пока я добрый (Лев Дворецкий: Шакалы, 2000).

Так, *линяем* отсюда! – приказал я (Андрей Белянин: Свирепый ландграф, 1999).

Помня еще по сахалинскому путешествию, чем кончаются такие рыбацкие застолья, я все подмигивал Найману: давай, мол, *линяем*! (Василий Аксенов: Негатив положительного героя, 1996).

В чем же особенность глагола *стушеваться*, позволившая ему проникнуть в разговорный (и литературный) русский язык? Вернемся к свидетельству Достоевского. В цитированной выше части он пишет:

Очень помню, что *слово это* употреблялось лишь в нашем классе, вряд ли было усвоено другими классами, и когда наш класс оставил Училище, то, кажется, с ним оно *и исчезло*.

В момент появления повести «Двойник» свежемү выпускнику военно-инженерного училища и начинающему писателю было 25 лет. В этой повести глагол *стушеваться* использован всего дважды. В первом контексте автор даже чувствует нужду пояснить значение этого – по его позднейшим утверждениям – совершенно нового, ранее неизвестного слова, следующим образом:

Господин Голядкин вздрогнул и поморщился от какого-то безотчетного и вместе с тем самого неприятного ощущения. Машинально осмотрелся кругом: ему пришло было на мысль как-нибудь, *этак под рукой, бочком, втихомолку улизнуть от греха*, этак взять – да и *стушеваться* [курсив – О. Ф.].

Через десяток с небольшим лет – опять-таки по свидетельству Достоевского – это «исчезнувшее» сразу после того, как класс будущего писателя окончил училище, и всего дважды использованное в достаточно неудачной (как позже признавал он сам) повести слово вдруг обрело всероссийскую известность (см. выше первую цитату из «Дневника»).

При всей правдоподобности самого факта зарождения нового, основанного на оригинальной метафоре, значения слова *стушеваться* в молодежной среде в начале 1840-х гг. (здесь нет нужды подчеркивать хорошо известную роль именно молодежного жаргона во все времена в деле порождения новых, неожиданных слов/словечек), версия Достоевского о его лавинообразном распространении («всем оно известно, все его понимают, все употребляют») видится по крайней мере маловероятной.

Пути проникновения «нового» глагола в русскую лексику нам видятся несколько по-иному. Во-первых, это язык художников. Несмотря на то, что существительное *тушь* в современном русском языке ассоциируется главным образом с предметом женской косметики: *тушь для ресниц или бровей*, т. е. особая краска, ср.:

Соответствующий у моделей был и макияж: ярко подчеркнутые теньями и *тушью* глаза и легкий блеск на губах дополняли невинный девичий образ.

Во время исполнения у Марии вдруг потекла *тушь* с ресниц от выступивших слез...

в живописи, чертежном и типографском деле *тушь* – это прежде всего одна из классических, веками известных техник графики и письма:

Работали *тушью* по ватману. Терпение требовалось дьявольское, как у Ваври (Ирина Грекова: Фазан, 1984).

Письма писались по-русски на плотной бумаге, годной для краски, писались *тушью* четким, почти печатным почерком (Даниил Гранин: Зубр, 1987).

Антон... был художник, лучший в школе, особенно замечательно он рисовал акварелью исторические здания, а *тушью* – профили композиторов... (Юрий Трифонов: Дом на набережной, 1976).

Естественно, что и русский язык давно использовал слова, связанные со словом *тушь*. Вот примеры из терминологии художников:

а – *тушевка*; б – *штриховка*; в – *шрафировка*. С помощью тонального пятна воссоздают объемность предмета, светотеневые отношения, фактуру материала...

Тушевка – это растирание карандаша по поверхности бумаги различными *растушевками* (тампон из бумаги, ваты, замши и т. п.) в виде сплошного тона той или иной силы.

Тушевкой, или тональной подготовкой, называют предварительную подготовку рисунка перед работой штрихом.

Интересно, что венгерские художники тоже используют слово *sraf-fírozás* (см. выше в примере русское *шрафировка*), правда, рядом с более частым *satírozás*, но в том же значении.

Глагол *тушевать* в НКРЯ имеет 24 вхождения, например:

Впервые вся фигура: я страшно боялся, робел; все скромно вырисовывал, фона совсем *не тушевал*, тушевка деталей была у меня весьма бледной, рисунок казался одним контуром; я думал уже: оправдается угроза Львова – забьют на сотых! (И. Е. Репин: Далекое близкое, 1912–1917).

Я решил *тушевать* перекрещивающимися линиями. Зачернела моя ваза, а ваза в натуре, как назло, все больше и больше высветлялась для моих глаз, и самый фон, чернотой зияющий у реалиста, становился легким и прозрачным (К. С. Петров-Водкин: Моя повесть. Ч. 2. Пространство Эвклида, 1932).

Однако уже за 200 лет до великих художников Ильи Репина и Кузьмы Петрова-Водкина это слово знали в русском языке:

Типография Фигурная, в которой печатались гридорованной и *тушеванной* работы всякия куншты, которая с вышеписанною Типографиею взята в 1714 году из Москвы, а в 1727 году опять отправлена в Москву (А. И. Богданов: Описание Санктпетербурга, 1751).

Использование исходного термина в переносном значении позволяло многим писателям создать изящную метафору:

...И тотчас же он понял, что думает не о том, что все это только *тушует* иную мысль, ту самую, которая заставляет его проводить рукой по глазам, трогать виски, в которых тесно и быстро, как муха о стекло, бьется пульс (В. А. Каверин: Девять десятых судьбы, 1926).

Так случилось, однако, не во дворце, давным-давно возобновленном, а здесь, в Ливадии, когда поздний вечер *тушевал* дочерна кипарисы, заодно усиливая гаремный запах махровых роз (Юрий Давыдов: Мальчики, 1991).

Но у глагола *тушевать* есть и возвратная форма: *тушеваться*. Ее разнит с глаголом Достоевского всего лишь префикс *с-*. Особенность ее употребления, однако, состоит в том, что в современном дискурсе, в диалоге эта форма используется главным образом в повелительном наклонении вместе с отрицанием, т. е. *не тушуйся* (43 вхождения в НКРЯ) / *не тушуйтесь* (15 вхождений) из общего числа 128 вхождений. Например:

Вот тебе программа сегодняшних испытаний. Старик, *не тушуйся*, и будет порядок (Даниил Гранин: Иду на грозу, 1962).

Ты, главное, *не тушуйся*, Булат Шалч. Привыкнешь к деревне (Булат Окуджава: Искусство кройки и житья, 1985).

Дядя Миша поймал ее взгляд и подмигнул: ничего, Верунь, *не тушуйся*... (Дина Рубина: На солнечной стороне улицы, 1980–2006).

Отвали, падло, не мешай человеку. Давай, Чонкин, травы, *не тушуйся*. – А ну вас! (Владимир Войнович: Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина, 1969–1975).

Значение глагола здесь меняется в зависимости от контекста: ‘не робей, не бойся, не смущайся, не прячься’ и т. п. Естественность, даже некая спонтанность, с которой эта форма повелительного наклонения используется в живом разговорном языке – по нашему мнению – является главным свидетельством того, что глаголы *тушеваться/стушеваться* не являются изобретением одного, пусть даже гениального, писателя, а возникли в разговорной стихии в одном или нескольких профессиональных сленгах (художников, печатников, студентов и т. д.), распространившись затем как в общем разговорном, так и в литературном языке.

По поводу фразеологизма *valaki/valami farvizén evez/evickél/hajózik/nyomul* Андраш Золтан писал:

...этимологическая прозрачность венгерского слова *farvív* является мнимой [...] Трудно, конечно, установить, кто и когда употребил этот фразеологизм в венгерском языке, но механизм возникновения такого гибридного перевода нетрудно себе представить – желая передать русский фразеологизм, «автор» венгерского фразеологизма на основе элементарного знания английского языка элемент *-water* русск. *фарватер* успешно идентифицировал с венгерским словом со значением ‘вода’, но элемент *фар-* остался для него непонятным, но зато близким по звучанию к своему родному *far* ‘зад, задница, седалище; корма’, поэтому оставил его без перевода (ЗОЛТАН 2013: 65).

Нечто похожее произошло, очевидно, и в случае с глаголами *тушеваться/стушеваться*: хотя мы не знаем, кто и когда впервые употребил их в переносном значении, можно предположить, что непрозрачные для непрофессионала этимология и значение этих слов послужили основой для развития метафоричности и экспрессивности, т. е. их внутренней формы.

Литература

- БТС 2004 = Кузнецов С. А. (ред.) *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург: «Норинт», 2004.
- ВАЛЬТЕР и др. = Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. *Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона*. Москва: «Астрель», 2005.
- Виноградов 1999 = Виноградов В. В. *История слов*. Москва: «РАН», 1999.
- ЗОЛТАН 2013 = Золтан Андраш: Об одной специальной воде в русской и венгерской фразеологии (русс. *фарватер*, венг. *farvív*). В кн.: *ВОДА в славянской фразеологии и паремологии*. Т. 1. Budapest: Tinta, 2013. 64–66.
- МИХЕЛЬСОН 1994 = Михельсон М. И. *Русская мысль и речь. Свое и чужое*. Т. 2. Москва: «Русские словари», 1994.
- НКРЯ = *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.
- ЩЕРБА 1945 = Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения. *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка*. Т. 4. Вып. 5. Москва, 1945. 173–186.